

способомъ. Что сообщаемыя свѣденія добывались Гентшемъ незаконнымъ путемъ, — этого онъ не зналъ; даже содержаніемъ рукописей онъ почти не интересовался и часто пересылалъ ихъ Залѣскому, не заглядывая въ ихъ заглавіе. Но отсюда легко было поставить вопросы, на которые нѣтъ отвѣта. Мыслимо ли, чтобы по тысячѣ марокъ платилось за рукописи, содержаніе которыхъ неизвѣстно? Тогда оказывалось бы благодѣяніе поставщику матеріала, а вовсе не Залѣскому. Далѣе, ни въ одномъ французскомъ журналѣ не были и отчасти даже не могли быть напечатаны матеріалы, состоявшіе изъ цифръ, названій, инструкцій, правилъ и отчетовъ. Куда же направлялись эти свѣденія, которыя по характеру своему не годились для газетныхъ и журнальныхъ редакцій? Военные специалисты, выслушанные на судѣ, заявили единогласно, что работы Гентша представляли существенную важность только для французскаго правительства; такое же заключеніе дано было прусскимъ военнымъ министерствомъ.

Чтобы выяснитъ смыслъ и цѣль этой „политической“ дѣятельности Крашевскаго, прочитано было на судѣ письмо князя Бисмарка къ военному министру Бронсару фонъ-Шеллендорфу. По свѣденіямъ канцлера, въ 1864 году образовалось въ Парижѣ „военное польское общество“, поставившее себѣ задачею слѣдить за состояніемъ и статистикою европейскихъ армій, поддерживать связи съ офицерами польской національности, находящимися въ военной службѣ въ Германіи, Россіи и Австріи, принимать дѣятельное личное участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ въ Европѣ и содѣйствовать такимъ образомъ возможному возстановленію Польши. Съ начала семидесятыхъ годовъ всѣ члены этого общества употреблялись для добыванія секретныхъ свѣденій начальникомъ статистическаго бюро во французскомъ военномъ министерствѣ, полковникомъ Самюэлемъ. Въ 1877 году Гамбетта поручилъ устроить особое бюро для собиранія извѣстій о нѣмецкой, австрійской, русской и италіанской арміяхъ. Центромъ этого бюро сдѣлался Дрезденъ. Крашевскій взялъ на себя полученіе свѣденій и уплату за нихъ гонорара. Сверхъ того, онъ находился будто бы въ личныхъ сношеніяхъ съ Самюэлемъ и былъ даже представленъ французскому министру-президенту Ферри, который будто бы обѣщалъ ему орденъ, — что оказалось уже чистѣйшимъ вымысломъ, какъ видно изъ оффиціальнаго категорическаго опроверженія со стороны французскаго правительства. Когда читалось на судѣ это письмо князя Бисмарка, Крашевскій былъ видимо раздраженъ и затѣмъ заявилъ съ негодованіемъ, что тутъ нѣтъ ни слова правды, что онъ никогда не видалъ ни полковника Самюэля, ни министра Ферри, ни прочихъ лицъ, занимавшихся будто бы военнымъ